

Историческая память

Разгром «школы М. И. Покровского», сопровождавшийся реабилитацией «старорежимной» историографии, стал отражением феномена имперской реставрации 1930-х в сфере исторической науки. Из мест заключения в научную среду возвращается когорта историков, обвиненных прежде в монархических симпатиях, а ныне оцениваемых как классиков отечественной историографии: С. В. Бахрушин, С. К. Богоявленский, С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, В. Г. Дружинин, М. К. Любавский, В. И. Пичета, Б. А. Романов, Е. В. Тарле, Л. В. Черепнин и др. Многие из них были удостоены высших правительственных оценок, как Ю. В. Готье, избранный в 1939 г. действительным членом Академии Наук, или С. В. Бахрушин, удостоенный в 1942 г. Сталинской премии. В 1937 г. было осуществлено переиздание работы скончавшегося в заключении, осужденного ранее в качестве руководителя диверсии на историческом фронте С. Ф. Платонова «Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI–XVII вв.»²⁰

На нигилистические описи Н. И. Бухарина по отношению к русской истории «Правда» дала категорическую отповедь: «Партия всегда боролась против... “Иванов, не помнящих родства”, пытающихся окрасить все историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет»²¹. На страницах газеты воззрения лидеров оппозиции, осужденных на процессе 1937 г., были определены бывшим сменовеховцем И. Лежневым как национальная «смердяковщина». Императив позиции оппози-

²⁰ Брачев В. С. «Дело» академика С. Ф. Платонова // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 117–129; Перченко Ф. Ф. Академия Наук на «великом переломе» // Звенья. Исторический альманах. М.: Прогресс – Феникс, 1991. Вып. 1. С. 163–237.

²¹ Правда. 1936. 10 февраля.

ционеров формулировался словами персонажа «Братьев Карамазовых»: «Я всю Россию ненавижу... Русский народ надо пороть-с», — которые, согласно Лежневу, отражают «душевное состояние подсудимых...»²².

Сталин позволил себе даже выступить с кощунственной для партийной сферы критикой воззрений «классиков», адресовав в 1934 г. письмо членам Политбюро «О статье Энгельса “Внешняя политика русского царизма”», в котором указывал на ошибочность автора в трактовке внешней политики России, как более милитаристской, чем у западных государств. В середине 1930-х гг. приостанавливается издание Полного собрания сочинений Маркса и Энгельса, в связи с тем, что стал очевиден русофобский характер многих сочинений основоположников «Интернационала».

Квинтэссенцией идеологического противостояния между левой историографической школой и державно-почвенным направлением стал конкурс 1934–1937 гг. на составление лучшего учебника по истории СССР. Постановлением Совнаркома и ЦК от 1934 г. осуждался отвлеченный характер преподавания истории, увлечение формационным абстрагированием и деперсонализацией прошлого. Н. И. Бухарин, как один из членов конкурсной комиссии, ратовал за то, чтобы в учебнике внимание было сосредоточено на описании дореволюционной России как «тюрьмы народов», «воплощения векового обскурантизма». В составленном в соответствии с данными рекомендациями пособии историческое прошлое дифференцировалось на основании исторической дихотомии: революционное — контрреволюционное, при которой к последней из категорий относились персонажи, укреплявшие российскую монархическую государственность и расширявшие ее владения, как, к примеру, Минин и Пожарский или Богдан Хмельницкий.

Но предпочтение было отдано проекту учебника А. В. Шестакова, ориентированному на рассмотрение советского периода истории в органической связи с героическими страницами «старорежимного» прошлого. Следствием сталинского переосмотра истории являлось декларируемое в августе 1937 г. осуждение левого уклона в историографии, обнаруживаемого, в частности, в негативном освещении таких вех становления отечественной государственности, как христианизация

²² Лежнев И. Смердяковы // Правда. 1937. 25 января.

Руси, соглашательская политика в отношении Орды Александра Невского, присоединение к России Украины и Грузии, подавление Петром I стрелецких мятежей. Сталин намеревался осуществить пересмотр исторической роли некоторых фигур советской эпохи, в частности, предполагал возложить на М. А. Шолохова задачу развенчания апологетического осуждения деятельности Я. М. Свердлова в Гражданскую войну, прежде всего при проведении рассказывания.

Тенденцию имперской реставрации отражал киноэпос, такие фильмы, как «Петр Первый» (1937), «Александр Невский» (1938), «Минин и Пожарский» (1939), «Суворов» (1940), «Богдан Хмельницкий» (1941), «Кутузов» (1943), «Иван Грозный» (1945), «Адмирал Нахимов» (1946), «Адмирал Ушаков» (1953)²³.

Речь 7 ноября 1941 г., с апелляцией к памяти великих военачальников старой России, не представляла собой принципиально нового слова, произнесенного в конъюнктуре задач сохранения режима, а являлась логическим продолжением идеологического переворота довоенных лет. И. В. Сталин призвал помнить имена защитников Отечества — Александра Невского, Дмитрия Донского, Александра Суворова, Михаила Кутузова. Отнюдь не всеми в партии лейтмотив сталинского выступления был воспринят позитивно. В опубликованном Р. А. Медведевым «Политическом дневнике» приводится письмо некоего ортодоксально мыслящего большевика, выражавшего недоумение, почему генеральный секретарь в годовщину Октябрьской революции говорил не о Марксе и Либкнехте, а об Александре Невском и Суворове.

Сфорзаца газетных номеров снимался прежний лозунг классовой борьбы «Пролетарии всех стран соединяйтесь!». Его заменяла новая формула «Смерть фашистским оккупантам!». Сам факт провозглашения начавшейся войны как Отечественной свидетельствовал о существенном идеологическом повороте. А ведь еще в 1930-е годы академик М. В. Нечкина отзывалась о понятии «Отечественная война» применительно к кампании 1812 г. как о русском националистическом названии.

Характерно признание И. В. Сталина американскому представителю на московском совещании государств антигитлеров-

²³ Багдасарян В. Э. Образ врага в исторических фильмах 1930–1940-х годов // Отечественная история. № 6. 2003. С. 31–46.

ской коалиции: «Мы знаем, народ не хочет сражаться за мировую революцию; не будет он сражаться и за советскую власть... Может быть, будет сражаться за Россию»²⁴.

Позже был выдвинут девиз «добить национальный нигилизм в истории». Обсуждался вопрос об «исторической реабилитации» таких представителей консервативной политики, как А. А. Аракчеев, М. Н. Катков, К. П. Победоносцев и др. В исторических трудах русский народ преподносился создателем наиболее значительных достижений мировой науки и культуры.